Антон МАРКОВ

Феникс

Трагедия

Продолжение. Начало см. в № № 45, 46, 47 2001 г.

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Лондон. У Мэри Сидни-Пембрук. Входят МЭРИ и ЕЛИЗАВЕТА.

МЭРИ. Как мог он над тобою насмехаться,
А после высылать своих гонцов,
Прося у нас о встрече позволенье?
ЕЛИЗАВЕТА. Я не пойму вас, тетя. Для чего
Вы осуждаете, что раньше защищали?
Из-за чего вам Рэтленд стал не мил?
МЭРИ. Что отказал тебе без предложенья,
Что перепутал женское с мужским.
Ты большего, племянница, достойна.
ЕЛИЗАВЕТА. Не по размерам это будет мне.
МЭРИ. Тогда гони судьбы своей портного,
Который вечно шьет не по размерам.
ЕЛИЗАВЕТА. Иль я ему неверные даю.
Я виновата в том, что натворила.
Граф Рэтленд благородно поступил,
Что не дал мне надежды. Потому
Я все приму: отказ и предложенье,
Насмешку, ласку, холод и огонь.
Нет разницы меж счастьем и позором.
МЭРИ. Нет разума, чтоб все не принимать.
ЕЛИЗАВЕТА. Тогда зачем вы дали позволенье
На встречу с нами Роджеру?
МЭРИ. Затем,
Чтоб высказать ему, а не тебе,
Как подобает поступать мужчинам.
Я все верну, что ты дала взаймы.
ЕЛИЗАВЕТА. Я не хочу вас, тетя, больше слушать! *(Уходит).*
МЭРИ. Чем я сильнее Роджера ругаю,
Тем крепче страсть в груди Елизаветы,
Тем тяжелее мне винить его.
Но я должна их чувства испытать,
И эту роль, что мне невыносима,
Я доведу правдиво до конца.
ЕЛИЗАВЕТА *(входя)*. Вы слышали? Копыта лошадей
Уснувшие ворота разбудили.
МЭРИ. Не слышала. И слышать не хочу.
ЕЛИЗАВЕТА. Он должен был давно уже приехать.
Нет, это сердце билось у меня,
Как стук копыт.
МЭРИ. Для всех влюбленных время
Иль медленно ползет, иль быстро скачет.
Поэтому их счастье мимолетно
На неприступных берегах печали.
ЕЛИЗАВЕТА. Тогда Любовью стать необходимо,
Чтоб время приходило в нужный срок.
Но где же он?
МЭРИ. Шекспир?
ЕЛИЗАВЕТА. Неважно кто.
МЭРИ. Когда неважно кто, тогда неважно,
Когда приедет некто иль никто.
ЕЛИЗАВЕТА. Вы слышали?.. Сейчас…
Был звук… Иль не был?..
МЭРИ. Скажите, кто приехал?
ЕЛИЗАВЕТА. Это он.
Я выросла на все свои года,
Которые мне дали при рожденьи,
Пока вы говорили: это он.
Все решено. И решено не вами,
Не им, не мной и не отцом, а кем-то
Потусторонним. Я обречена.
Я знаю это сердцем оглушенным.
И если это называют счастьем,
Я счастлива. Но что со мною, тетя?
Мне кажется, я в камень превратилась
МЭРИ. И снова ожила.
Ступай к себе.
ЕЛИЗАВЕТА. Я встречу графа.
Об одном прошу вас:
МЭРИ. Не говорите резких слов ему.
Доверься мне.
ЕЛИЗАВЕТА уходит.
Зловещие приметы
Я видела. Так ищет Смерть ночлег:
Ложится тенью на лицо и жадно
До дна высасывает краски Жизни.
Иль это Вечность вглядывалась в душу,
Перетекая бездною в нее
И то, что предначертано, читая?
Все это странно. И ответ не найден.
Но тише.
Входит РЭТЛЕНД.
РЭТЛЕНД. Здравствуйте, графиня Пембрук.
МЭРИ. Приветствую… Как обращаться к вам?
РЭТЛЕНД. Как к человеку, что стоит пред вами.
МЭРИ. Поэтому вы в черном? Вы пришли,
Чтоб схоронить себя в Елизавете?
РЭТЛЕНД. Чтобы найти ее в себе самом.
МЭРИ. Для этого понадобится красный.
Придется, Роджер, вам домой вернуться
И поменять ваш траурный наряд.
РЭТЛЕНД. Примите черный.
МЭРИ. Я не приняла.
РЭТЛЕНД. Могу ли я Елизавету видеть?
МЭРИ. Вы не нашли ее в себе самом?
Раз не нашли, не можете.
РЭТЛЕНД. Графиня,
Я не уйду, пока не встречусь с ней.
МЭРИ. Но для чего?
РЭТЛЕНД. Вы знаете.
МЭРИ. Я знала.
Но вы скончались. Так сказали нам.
И траур ваш доказывает это.
Для воскресенья требуется красный.
Придется, Роджер, вам домой вернуться.
РЭТЛЕНД. Прощайте, человек, стоящий здесь. *(Уходит).*
Я не уйду, иначе все погибнет,
Как люди умирают от чумы.
Один больной в Аид весь город стащит,
Одна обида сто сердец отравит,
Одно проклятье создает войну.
Как мне найти слова для объясненья
И не предать Ее? Я – человек,
Она же – Дух, что движет человеком.
Ее лишившись, я лишусь движенья
И онемею. И покину Землю.
И к Ней явлюсь предателем. Но ныне
Я на Земле и должен объясняться
Перед земной, другой, иной, не той.
Но если я уйду, то все погибнет.
Неужто человек живет для рода,
Чтоб круговерть ошибок на Земле
Не прекращалась, продолжаясь в детях,
Чтоб те свои ошибки совершали?
Но нет! Один найдется и одна,
Кто остановит растворенье Бога
В бессмысленном, кто сможет стать Единым,
Через кого спасутся остальные…
Но если я уйду, то все погибнет.
И значит, я продолжу род людской?
Тогда дай знак и проявись в движеньи,
Дай разглядеть в глазах Елизаветы
Твои глаза. И я приму венец
И не явлюсь предателем по смерти.
Но Ты молчишь, и я стою один
Под этим Небом, близким и далеким,
Как Ты.
Я буду жить, пока с Тобой не встречусь,
А после Встречи, буду жить с Тобой.
Входит МЭРИ.
МЭРИ. Вы не ушли еще?
РЭТЛЕНД. Графиня Пембрук,
Я к вам пришел просить Елизавету…
МЭРИ. Ко мне пришли просить Елизавету?
РЭТЛЕНД. …моей женою стать.
МЭРИ. Просите сводню,
Которой никогда я не была.
Я не поверю вам, она поверит,
В расчете страсть за кошелек увидев,
Небрежный вид приняв за увлеченье
И аккуратный выдав за влюбленность.
РЭТЛЕНД. Могу я видеть?..
Входит ЕЛИЗАВЕТА.
МЭРИ. Вы нам отказали,
И я теперь отказываю вам.
Простите, Роджер, резкие слова.
ЕЛИЗАВЕТА. Что вам наговорила тетя Мэри?
МЭРИ. Ты здесь, Елизавета? И давно?
ЕЛИЗАВЕТА. Я знаю, Роджер, вы пришли просить
Избавить вас от страсти столь нелепой,
Что выведи ее в грошовой пьесе,
Все умирали б со смеху над ней.
Молчите. Или смейтесь надо мной.
Я не хочу напрашиваться в жены.
Адониса Венера умоляла,
Хоть не должна Венера умолять.
О вашей тайне буду я молчать.
Прошу вас, о моей молчите тоже,
Хотя просить я не имею права.
Прощайте. И храни вас Бог с другою.
РЭТЛЕНД. Вы не согласны взять меня в мужья?
ЕЛИЗАВЕТА. Как не согласны вы меня взять в жены.
РЭТЛЕНД. Тогда я поведу вас под венец.
ЕЛИЗАВЕТА. Из жалости любовь не вырастает.
РЭТЛЕНД. Я не жалею вас. Когда б жалел,
То рассказал, что в этом сердце скрыто,
Что заставляло находить слова,
Чтоб на бумаге боги говорили;
Что ангел смерти слышал от меня
И отчего ушел, сказав “до встречи”;
Что наполняло каждый вдох и выдох.
Я скрылся, чтоб об этом не узнали,
За маскою. Но вы ее открыли…
Я вас прошу моей женою стать.
ЕЛИЗАВЕТА. Как незаметно полночь стала утром.
Я вам сейчас согласия не дам.
Я дам его у алтаря.
МЭРИ. Чем раньше
Ты скажешь “да”, тем радостней мне будет.
Раз вы прошли такое испытанье,
Я с легким сердцем дам благословенье.
Наследство брата я вручаю вам:
И Роджеру, и Уильяму. Идемте,
Чтоб Лондон вашей свадьбой озарить.
Уходят.

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Лондон. У Генри Ризли. Входят ГЕНРИ и БЭКОН.

БЭКОН. Король шотландский Джеймс обеспокоен.
И он просил совета у меня,
Как поступить.
ГЕНРИ. По совести и чести.
БЭКОН. Так должен поступать любой из нас.
По совести он вас не должен слушать,
По чести он вас должен поддержать.
ГЕНРИ. Простите, сэр, но я не понимаю:
Кого король поддерживать собрался,
И почему я должен знать об этом?
БЭКОН. Вам стоит, Генри, раз пройти пешком
По Лондону, и вы тогда поймете,
О чем толкуют в мастерских и лавках,
О ком в тавернах спорят до утра,
И почему я вас хочу подробно
О заговоре вашем расспросить,
В который вы втянуть пытались Джеймса.
Но если вы не знаете об этом,
Я попрошу прощенья и уйду,
Чтобы молчать о тайне, о которой
Молчат лишь те, кто говорить не может.
ГЕНРИ. Что вы сказали Джеймсу?
БЭКОН. Я сказал,
Что время подгонять небезопасно,
Что ночью солнца в небе не найти,
Но в яму ночью угодить несложно.
И вам я говорю: не торопитесь.
Я разделяю ваши устремленья,
Не разделяя вашей суеты.
Зимой никто не сеет семена,
Для этого весну Господь придумал.
ГЕНРИ. Но чтобы сеять, нам нужна земля.
И мы хотим вернуть ее зимою.
БЭКОН. У вас земли никто не отбирал,
Вы спорите с законами Природы.
Вы получили времени посланье,
Но прочитали спешки письмена.
Я заклинаю вас не торопиться.
Вы можете еще остановиться.
ГЕНРИ. Но заговор нам не остановить.
И в этом мы со временем созвучны.
БЭКОН. Прощайте, Генри. Да хранит вас Небо.
ГЕНРИ. А вы за нас молите Небеса.
Входит РЭТЛЕНД.
БЭКОН. Не думал я, что Роджера увижу.
Ты не уехал, разве, в Бельвуар?
РЭТЛЕНД. Как видите, сэр Фрэнсис.
БЭКОН. Я надеюсь,
Что ты зайдешь ко мне, как заходил
В пределы смерти.
РЭТЛЕНД. Я зайду, сэр Фрэнсис.
БЭКОН. Тогда до встречи, Роджер.
РЭТЛЕНД. До свиданья.
БЭКОН уходит.
Я ждал тебя. Ты не пришел.
ГЕНРИ. Зачем?
РЭТЛЕНД. Венчание назначено на завтра.
ГЕНРИ. Спасибо, Роджер. Поздравляю, Роджер.
РЭТЛЕНД. Зачем сэр Фрэнсис приходил к тебе?
Он знает наши планы?
ГЕНРИ. Ваши планы?

Я думаю, что он еще не знает.
Но ты его на свадьбу пригласишь?
РЭТЛЕНД. Венчание назначено на завтра,
А послезавтра, что бы ни случилось,
Я вместе с вами выйду к королеве.
Ты долг вернул, я буду верен долгу.
И в этом ты не сможешь помешать.
ГЕНРИ. Ты для иного создан. Если строки,
Которые ты должен написать,
Останутся лежащими на плахе,
Что я скажу у Бога на суде?
РЭТЛЕНД. Но если сердце Генри остановит
Взмах топора, а я останусь жить,
Как я могу расслышать эти строки
За стоном совести? Мы братья, Генри,
Один из нас другого не предаст.
Мы братья, Генри, в Англии и духе:
Мы затонули вместе с Атлантидой
И сплетены кострищами друидов,
Романскими набегами богов,
Необъяснимым существом Грааля.
Нам суждено родиться было здесь
И чистоту Небес хранить от мрака.
До послезавтра, друг.
ГЕНРИ. До завтра, Роджер.
Я должен быть на свадьбе у тебя.
И ты, и я, мы потеряли друга.
Мой друг уехал. Он в чужой стране.
Я буду помнить, кто был другом мне.
Расходятся.

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ
Лондон. Театр "Глобус". Входит ШЕКСПЕР.
ШЕКСПЕР. Ричард! Эй, Ричард!
РИЧАРД *(входя)*. Какого Ричарда ты зовешь? Не второго ли?
ШЕКСПЕР. Одного из тех, кого я знаю.
РИЧАРД. Значит, ты не знаешь ничего.
ШЕКСПЕР. Я знаю, Ричард, и еще как знаю!
РИЧАРД. Что же тебе известно?
ШЕКСПЕР. Кое-что о нашем лорде.
РИЧАРД. У тебя глупое выражение лица, а выражаешься ты еще глупее. Следовательно, ты знаешь что-то хорошее, и это последняя наша надежда. Выкладывай свои новости.
ШЕКСПЕР. У нашего лорда скоро появятся маленькие лордята.
РИЧАРД. И как это связано с Ричардом?
ШЕКСПЕР. С каким?
РИЧАРД. Со вторым.
ШЕКСПЕР. Бербедж, ты так умно говорил о моей глупости, что стал глупее себя. Как же может быть Ричард второй, если первого еще не было? А? Посуди сам.
РИЧАРД. Как? За сорок шиллингов.
ШЕКСПЕР. Сорок шиллингов сумма неплохая, но из них дети не появляются.
РИЧАРД. Это я знаю.
ШЕКСПЕР. Так ты все знаешь?
РИЧАРД. Что я должен знать?
ШЕКСПЕР. Наш лорд сегодня женился. Или за него вышли замуж.
РИЧАРД. Ты мне только это хотел сообщить?
ШЕКСПЕР. А тебе мало?
РИЧАРД. Мало. И будет еще меньше. Холостяки щедрее мужей, потому что у мужей есть жены, пока они не овдовеют.
ШЕКСПЕР. Но наш лорд не скуп. А появятся лордята, так совсем расщедрится. А? Как ты считаешь?
РИЧАРД. Я считаю, что мы должны завтра сыграть Ричарда второго за сорок шиллингов.
ШЕКСПЕР. Эту развалину? Да он изношенней, чем моя совесть и старый кафтан. Хотя сорок шиллингов за дыры это недурно.
РИЧАРД. Ты хоть помнишь, о чем спектакль?
ШЕКСПЕР. О Ричарде. Втором.
РИЧАРД. О короле, которого свергают.
ШЕКСПЕР. Да-да, и убивают потом. А кто заказал спектакль?
РИЧАРД. Видимо, тот, кто хочет это сделать.
ШЕКСПЕР. Свергнуть и…
РИЧАРД. Да.
ШЕКСПЕР. Кого?
РИЧАРД. Если не короля, то… Слухи ходят.
ШЕКСПЕР. И ты согласился сыграть?
РИЧАРД. Согласился.
ШЕКСПЕР. Да ты понимаешь, на что ты согласился?
РИЧАРД. На что?
ШЕКСПЕР. На виселицу! И это тогда, когда наш лорд женился!
РИЧАРД. Ну и что? Мы ничего не знаем. Нас попросили сыграть и все. А зачем? Не нашего ума дело. И все-таки мне тревожно.
ШЕКСПЕР. Тревожно? Я земли уже под собой не чую. Может, вернуть деньги?
РИЧАРД. Давай вернем.
ШЕКСПЕР. А вдруг мы прогадаем?
РИЧАРД. Давай не возвращать.
ШЕКСПЕР. Нет, ты прав. Не нашего ума дело. У нас лорд женился, а остальное нас не касается.
РИЧАРД. Тогда идем доставать костюмы и вспоминать Ричарда.
ШЕКСПЕР. Я, кажется, там не занят?
РИЧАРД. Займем.
Уходят.

СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
Лондон. У Рэтленда. Входят МЭРИ и ЕЛИЗАВЕТА.
ЕЛИЗАВЕТА. Когда мы с ним наедине остались,
Он долго на меня глядел печально.
Так падший ангел в Небеса глядит.
Потом он молча встал и молча вышел,
Свои объятья ночи предоставив,
Меня с тоской бессонной обвенчав.
Когда проснулась я графиней Рэтленд,
Ее супруг давно ушел из дома.
МЭРИ. И ты не знаешь, где сейчас твой муж?
ЕЛИЗАВЕТА. Я из дому еще не выходила,
А он домой еще не возвращался.
Когда бы я звалась его женой,
То знала бы.
МЭРИ. Оставь свои печали
И к новой приготовь себя скорей.
Сегодня вышло триста человек
С оружием в руках, чтоб свергнуть лордов,
Которых ненавидит все и вся,
К которым благосклонна королева.
Народ не стал поддерживать восставших,
Их становилось меньше с каждым шагом.
Но первым шел твой муж, Елизавета.
Они разбиты. Роджер арестован.
ЕЛИЗАВЕТА. Он в Тауэре?
МЭРИ. Да.
ЕЛИЗАВЕТА. Так что ж я плачу,
Когда мой муж несчастней во сто крат?
Суд будет скорым. Значит, и суровым.
Сэр Бэкон обвинителем назначен.
Свиданье с ним желаннее, чем с мужем.
От этого свидания зависят
Все наши встречи с Роджером.
МЭРИ. Тогда
Нам нужно к сэру Бэкону.
Уходят.

СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
Тауэр. РЭТЛЕНД. Входит БЭКОН.
БЭКОН. Мне сообщили о твоем молчаньи,
Но все же я надеюсь, что услышу
Хотя бы слово от тебя… Молчишь.
Еду ты тоже обошел молчаньем,
Хотя тебе еда необходима,
Твое здоровье хуже с каждым днем…
Молчишь.
Вчера подписан смертный приговор.
Пять человек сегодня на рассвете
В последний раз шагали по земле.
Лишь с третьего удара голова
Блистательного Эссекса упала,
И стоном Небеса отозвались.
Другие расставались с жизнью легче.
И всякий раз стонали Небеса,
Но Англия ни слова не сказала.
И ты молчишь?
И ты не хочешь знать, что стало с Генри?
Он жив или на пир червям он брошен?
Как можешь ты молчать, когда в тебе
Сто голосов навзрыд кричат о мести,
И сердце разрывается от горя?
В тебе не могут быть безмолвны боги!
Что говорят они? Что поминают?
Теперь я понимаю отчего
Надсмотрщики, не знавшие рыданий,
С рыданьями выходят от тебя.
А я, сэр Бэкон, главный обвинитель
Своих друзей, в которых жизни смысл,
Себя лишая смысла добровольно,
Хочу без слез твоих ответов ждать!
Но для рыданий время не настало,
Я должен вас от смерти уберечь,
Хоть от меня немного что зависит.
Но если я спасу лишь одного
Тебя, то я спасу наследство духа,
Что от Адама нам передается.
И не прервется с Небесами нить,
И Феникс вольный в пламени не сгинет,
Поэзия сердца людей согреет
И сохранит Вселенной письмена.
И, может быть, тогда наступит время
Для просвещенного правленья. Роджер,
Ты должен жить. Твоя Елизавета
Уж вымолила мягкий приговор.
А ты ей вынес приговор суровый:
Она тебя не сможет пережить.
РЭТЛЕНД. Сэр Бэкон, вы умеете читать камни? Это очень просто. Их нужно складывать, как слоги. Слоги – в слова, слова – в тюрьму. Поэтому молчите, сэр Бэкон. Вам и так уже негде двигаться. Граф Саутгемптон жив?
БЭКОН. Да
РЭТЛЕНД. Уходите. Я хочу есть.
БЭКОН уходит.

СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ
Лондон. Театр "Глобус". Входят ШЕКСПЕР и РИЧАРД.
РИЧАРД. Похоже, мы выкрутились из этой истории.
ШЕКСПЕР. Похоже или выкрутились?
РИЧАРД. Это похоже на то, как выкручиваются. Судьи нам поверили, королева захотела посмотреть наш спектакль, сорок шиллингов – в кошельке.
ШЕКСПЕР. А о нашем лорде ничего не слышно?
РИЧАРД. Голова его на плечах, а это уже немало.
Входит ДЖОНСОН.
ДЖОНСОН. Здравствуй, Ричард. Здравствуй, сэр.
ШЕКСПЕР. Вот кого бы я не хотел сейчас видеть, так это Джонсона.
РИЧАРД. Почему, Уильям?
ШЕКСПЕР. Потому что мое дворянство для него хуже горчицы, а я не люблю, когда он морщится.
ДЖОНСОН. Я морщусь не без прав.
ШЕКСПЕР. Ну вот, мой дворянский девиз ему тоже не угодил.
ДЖОНСОН. Дворянство, Шекспер, никому, кроме королевы, не угождает. Ему – да, а оно – нет.
РИЧАРД. Ты только за этим сюда пришел?
ДЖОНСОН. За чем?
РИЧАРД. Почесать язык о титул?
ДЖОНСОН. Нет. Я пришел вас поздравить, господа. Кажется, вы неплохо нагрелись на заговоре.
РИЧАРД. Не больше, чем ты. Если в "Глобус" публика не ходит, то с Джонсона она убегает. Так что пусто-пусто, сколько кости ни кидай.
ДЖОНСОН. Кидать кости на подмостках это ваша забота. А известно ли вам, что вашего лорда выпустили?
ШЕКСПЕР. Выпустили?
РИЧАРД. Нашего лорда?
ШЕКСПЕР. Какого лорда?
ДЖОНСОН. Рэтленда.
РИЧАРД. Мы слуги лорда-камергера, а не Рэтленда.
ДЖОНСОН. То есть не вашего лорда выпустили?
РИЧАРД. Не нашего.
ШЕКСПЕР. Совсем не нашего. Это ты, Джонсон, угодил, как херес на пол: не туда.
ДЖОНСОН. Или как ты на сцену и в дворяне.
РИЧАРД. А когда графа Рэтленда выпустили?
ДЖОНСОН. Вам какое дело до него?
РИЧАРД. А тебе?
ДЖОНСОН. Очень уж на Шекспира смахивает.
ШЕКСПЕР. Чем же?
ДЖОНСОН. Тем, что он не Шекспер. Хочу его повидать. Интересная история может получиться! Всего доброго, Ричард. Прощай, сэр.
РИЧАРД. Постой, Бен. Постой, тебе говорят!
ДЖОНСОН. Стою, тебя слушаю.
РИЧАРД. Ты хочешь разнести на весь Лондон, что Шекспир это граф Рэтленд?
ДЖОНСОН. Да.
РИЧАРД. А ты не подумал, что будет с нами?
ШЕКСПЕР. Пускай трещит, как сорока на ветру.
РИЧАРД. Помолчи.
ШЕКСПЕР. Ричард, ты что говоришь?
РИЧАРД. Я знаю, что делаю.
ШЕКСПЕР. Наш лорд рассердится.
РИЧАРД. Ты свое уже разболтал. Бен, если об этом узнают все, у нас будут неприятности.
ДЖОНСОН. Будет сплошное веселье.
РИЧАРД. Нет. Мы кое-как отбрехались от судей, а если они узнают, что Ричарда второго написал Рэтленд, то ни нам, ни ему не сдобровать.
ДЖОНСОН. Об этом я не подумал.
РИЧАРД. Кто-нибудь еще знает о нашей тайне?
ДЖОНСОН. Только те, кто знает тайну его жены.
ШЕКСПЕР. А какая у нее тайна?
ДЖОНСОН. Не твоего дворянского ума.
РИЧАРД. Ты нас не выдашь?
ДЖОНСОН. Не выдам. Но что-нибудь придумаю.
РИЧАРД. Не придумывай. Лучше сходим в "Русалку", возьмем вина и нижнюю часть русалки и отпразднуем освобождение нашего лорда.
ДЖОНСОН. Вашего.
РИЧАРД. Уильям угощает.
ШЕКСПЕР. Я?
РИЧАРД. Ты должен угостить.
ДЖОНСОН. Итак, у нас дворянский ужин не без горчицы?
ШЕКСПЕР. Если ты не будешь острить.
Уходят.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
Бельвуар. Входят ЕЛИЗАВЕТА и ТОМАС.
ЕЛИЗАВЕТА. Я рада, что приехала в Бельвуар раньше Роджера.
ТОМАС. Нет ничего прекраснее, когда госпожа встречает своего господина в его доме.
ЕЛИЗАВЕТА. Чем же?
ТОМАС. Тем, что господин возвращается в свой дом. Значит, есть, к кому возвращаться. В этом женщины ничем не отличаются от слуг. Но что могут слуги? Ждать.
ЕЛИЗАВЕТА. А женщины?
ТОМАС. Встречать.
ЕЛИЗАВЕТА. И только?
ТОМАС. Да. Ждать они не умеют. И провожать. Вам показать ваши владенья?
ЕЛИЗАВЕТА. Потом, Томас, потом.
ТОМАС. Вы голодны?
ЕЛИЗАВЕТА. Да, я голодна тем, что мой муж в дороге.
ТОМАС. Вы очень нетерпеливы, госпожа. Приказать накрыть стол? Господин должен вот-вот приехать.
ЕЛИЗАВЕТА. Хорошо, Томас, ступай.
ТОМАС уходит.
Что видит Роджер в этот самый миг?
Какое расстоянье отделяет
От взгляда моего его глаза?
И чем исчислить это расстоянье:
Сердцебиеньем, колоколом, вздохом?
Дворецкий прав, я не умею ждать.
Все это сон, что жаждет пробужденья.
Входит РЭТЛЕНД.
РЭТЛЕНД. Здравствуй, Елизавета.
ЕЛИЗАВЕТА. Как ты вошел? Как ты опередил
Мой взгляд нерасторопный? Здравствуй, Роджер.
РЭТЛЕНД. Не обнимай, пожалуйста, меня.
Я недостоин твоего объятья.
ЕЛИЗАВЕТА. Я понимаю, ты устал с дороги,
Ты хочешь есть.
РЭТЛЕНД. Я не желаю есть.
Мне одному хотелось бы остаться.
ЕЛИЗАВЕТА. Твоя жена не может быть помехой
Для Аполлона и его бесед.
Я лишь строка из творчества отца,
И я твоей строкою быть желаю.
РЭТЛЕНД. Во мне сейчас нет ни одной строки.
Мне одному хотелось бы остаться.
ЕЛИЗАВЕТА. Меня одну в неведенье оставив
Причинности желанья твоего?
Мой господин, мой муж и жизнь моя,
Несчастия закончились, и нынче
Нет места меланхолии пустой.
Пускай тебя приговорили к штрафу
На тридцать тысяч фунтов, ты свободен,
Ты в Бельвуаре, у себя, со мной.
Мне все равно, кто ты. Когда богач,
Я в роскоши души твоей купаюсь;
Когда бедняк, на тридцать лет не выйду
В роскошных платьях к глупому двору.
РЭТЛЕНД. Чего ты хочешь?
ЕЛИЗАВЕТА. Быть сейчас с тобой.
РЭТЛЕНД. Зачем? Чтобы сгореть в моем движеньи?
Чтоб знание свое и красоту
Бесплодными для будущего сделать?
Мои объятья в Тауэре сгнили,
А поцелуи обратились в камни.
У нас с тобой не может быть детей,
Я не способен создавать темницы.
Беги меня, как проклятых бегут.
Прощай жена, что не была женою.
ЕЛИЗАВЕТА. Ты так уйдешь? Не выслушав меня?
Но где найти слова, чтоб ты услышал
И выслушал? Не созданы еще.
Их боги нам, жалея нас, не дали.
Мои слова за той чертой тоски,
Где бездна дышит мрачная. Но дай мне
Надежду на любовь и материнство.
РЭТЛЕНД. Прощай, Елизавета. *(Уходит).*
ЕЛИЗАВЕТА. Что ж вы, боги,
Позволили уйти ему и счастью,
Позволили венчанию случиться,
Позволили сказать ему "прощай"?
Входит ТОМАС.
ТОМАС. Мне подавать на стол?
ЕЛИЗАВЕТА. Я уезжаю.
Твой господин сейчас не хочет есть.
Я, не приняв владений, их лишилась.
Прощай, не мой дворецкий, мой слуга.
Уходит.
ТОМАС. Почему женщины не умеют ждать? Потому что не хотят быть слугами, что в избытке у нас, мужчин. Только мужчины встречать не умеют. Пойду убирать со стола.
Уходит.

● ***Роджер Мэннерс, граф Рэтленд***

Окончание в № 2, 2002 г.